

даже и что даже у нас, в России, заправские покупательницы не заснут от досады и огорчения, если ей хоть чего-нибудь не уступят в лавке.

Не имея понятия о ценности многих вещей, я на всякий случай давал половину запрошенного, но, увидев, что, несмотря на сделанную недовольную мину, торговец обыкновенно спешит встать мне поперек выхода, я стал предлагать $\frac{1}{2}$ и даже менее запрошенной цены. Если сначала это и вызывало обиду, чуть не отчаяние, то, в конце концов, не вредило делу, потому что давало возможность легче сдаться обоюдными уступками.

Случалось, особенно, в больших магазинах, наталкиваясь на торговцев, не спускавших ни одного сента, несмотря на убеждения, опорочивание товара, уход из лавки и все подобные приемы восточной торгашеской школы, но, по большей части, самые, по-видимому, стойкие посылали на улицу мальчика дожать и сказать, что спускают еще столько-то, так что, в общем, я все-таки отчасти для потехи, отчасти для действительного сбережения своих капиталов спас себе при помощи торгашеского терпения и ухищрений не одну сотню рублей.

Впрочем, главные покупки, нужные мне и как художнику, и как человеку не с каменным сердцем, т. е. любящему изящные вещи, я отложил до Киото, где, по сведениям, все было сравнительно дешевле, чем в Токио.

Один персонал разных посольств в связи с близостью к Иокогаме, центру широкой англо-американской жизни, очень вздул, как говорится, цены на все в столице Японии.

Использованная литература

Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и Творчество. М.: «Искусство», 1958.

Лебедев А. К., Солодовников А. В. Василий Васильевич Верещагин. М.: Художник РСФСР, 1987.

Василий Васильевич Верещагин. «Избранные письма». М.: Изобразительное искусство, 1981.

РГИА. Ф. 472, оп. 45, д. 54 «Об исходатайствовании вдовы художника Верещагина, погибшего на броненосце “Петропавловск”, ежегодного пособия на воспитание детей».

Художник В. Верещагин. Заметки «О Японии» // «Новости и биржевая газета». СПб., 1904, январь–февраль, с. 3–4.

Кожеевникова И. Верещагин и Япония // Проблемы Дальнего Востока. 1987, №1, с. 35–41.

Об одной японской коллекции (Первая арфа в Японии и Советский Союз 1930-х)

Л. Ермакова, К. Танака, С. Хияма

Речь в статье идет о коллекции так называемых *сикиси* (букв. «цветная, или узорная, бумага»), т. е. о распространенных автографах, которые в 1930-е годы собрала сотрудница японского посольства в Москве Абэ Ёсиэ. Впоследствии Абэ, которая во время пребывания в России училась игре на арфе у знаменитой российской арфистки К.Эрдели, стала первой в японской истории арфисткой и основательницей школы игры на арфе в Японии. Среди тех, кто давал ей автографы, — прославленные деятели советской культуры тех лет, а также выдающиеся российские советские японоведы; последние из-за знакомства с ней были заподозрены в шпионаже и подверглись репрессиям. Рассказ о коллекции становится, таким образом, рассказом о необычной судьбе первой японской арфистки и о судьбе тех, кто давал ей свои автографы на японских «цветных бумагах».

Ключевые слова: Абэ Ёсиэ, *сикиси* («цветная бумага»), арфа, А. С. Новиков-Прибой, Н. А. Невский, И. А. Бунин, М. А. Шолохов.

Непосредственным поводом к написанию настоящей статьи послужила коллекция цветных листов японской бумаги, называемых по-японски *сикиси*. Эта коллекция была собрана японкой Абэ Ёсиэ в 30-х гг. прошлого века, а сама она была женщиной необычайной судьбы, прожившей, можно сказать, не одну, а три совершенно разных жизни.

Сначала о том, что такое *сикиси*. Традиция этих «цветных бумаг» (а именно это и значит слово *сикиси*) восходит к периоду Хэйан, тогда на таких бумагах было принято каллиграфически записывать пятистишия танка из поэтических антологий «Манъёсю» или «Кокинсю». До сих пор жива эта традиция каллиграфической записи стихов или на *тандзаку* — узких полосках плотной японской бумаги (напоминающей по толщине тонкий картон) или на *сикиси*; последний тип, в отличие от удлиненных *тандзаку*, имеет почти квадратную форму. Фон бумаги обычно имеет пастельный оттенок цвета, поверх фона расположен узор, нанесенный иным, тоже не резким цветом, а также серебряным или золотым порошком. До сих пор *сикиси* часто используют, помимо каллиграфии, записей пятистиший и трехстиший, еще и для рисунков тушью или для живописи традиционными японскими минеральными красками. Кроме того, на *сикиси* знаменитые борцы сумо красной киноварью оставляют отпечатки ладоней для своих поклонников, на *сикиси* студенты записывают пожелания и ставят подписи в подарок уходящему в отставку профессору, и т. п.

Сикиси в коллекции Абэ Ёсиэ – «цветные бумаги» размером примерно 18 x 20 см. В зависимости от эпохи размеры *сикиси* менялись, и такой размер принят в нынешнее время – эпоху массового фабричного производства этих видов бумаги. Их около 30 листов, сама же коллекция принадлежит одному из соавторов настоящей статьи – японской арфистке Танака Кёко, которая в ранней юности училась у Абэ Ёсиэ игре на арфе, и они достались ей после смерти Абэ. Теперь госпожа Танака решила рассказать об этой коллекции российским читателям и обратилась за помощью к японскому русисту Хияма Синъити и российскому японоведу Л. Ермаковой. В результате сотрудничества этих троих соавторов и была написана эта статья.

В один из периодов своей драматической и переменчивой судьбы Абэ Ёсиэ попала в СССР 1930-х гг. Там она оказалась вхожа в круг советской творческой элиты, там и начала собирать свою коллекцию, предлагая своим новым знакомым, среди которых были люди, знаменитые не только в своей стране, но и на весь мир, написать ей что-нибудь на память. По-видимому, некоторым своим собеседникам она рассказывала о том, какую роль играют *сикиси* в Японии, потому что в коллекции – явное преобладание поэтических текстов. Однако здесь, вполне возможно, сыграла свою роль и традиция дворянских альбомов, появившихся в России со второй половины XVIII в. под французским и немецким влиянием и где также было принято оставлять записи в стихах. Некоторые же авторы просто выражали в *сикиси* свои добрые чувства и пожелания экзотической гостье Советской страны.

Но прежде чем говорить об этих автографах, необходимо рассказать о том, что же за человек была Абэ Ёсиэ и что привело ее в Советский Союз 30-х годов XX века.

Судьба и труды Абэ Ёсиэ

Абэ Ёсиэ родилась 4 января 1904 года в городе Ёкотэ нынешней префектуры Акита. Впрочем, совсем уж точное место ее рождения неизвестно, потому что ее отец был кадровым офицером, и его часто перебрасывали из одного конца страны в другой. Девушка училась в женском колледже префектуры Акита, однако в 1920 г. оставила его в связи с замужеством.

В замужестве у Абэ Ёсиэ родилось пятеро детей, два мальчика и три девочки, но дальше начинают невзгоды: в 1929 году ее муж внезапно скончался. Семья мужа по причине, оставшейся неизвестной биографам, решила изгнать вдову из семьи, прервать с ней всяческие отношения и вычеркнуть из так называемых посемейных списков.

Лишенная возможности видаться с детьми, Абэ под своей девичьей фамилией поселилась в Токио и поступила в Восточный университет на отделение китайской поэзии. Сама она так писала об этом: «Я решила тогда стать первой женщиной-поэтом в Японии, пишущим стихи на

классическом китайском языке. О да, чтобы что-то такое, чтобы пахло буддийскими благовониями... Но вскоре поняла, что мне и эта литература, и классический китайский язык не подходят, и стала учиться стенографии, потом поступила в министерство иностранных дел, а там подвернулась возможность поехать в Россию»¹. В этот период она встретила и подружилась с Ямамото Санэхико, главой издательства «Кайдзосё». В этом издательстве впервые вышли многие произведения японских писателей-модернистов – Сига Наоя, Танидзаки Дзюнъитиро и др. В Японии того времени среди интеллектуалов было принято симпатизировать революции в России, интересоваться социалистическими идеями. В журнале, издаваемом издательством, выходили разнообразные обзоры и рецензии книг на эти темы, привлекавшие многих читателей. Ямамото Санэхико принимал участие во многих самых разнообразных культурных событиях эпохи – например, это он пригласил приехать в страну Альберта Эйнштейна. Он же предложил Абэ присылать ему из России для его журнала репортажи о встречах с советскими писателями и другими культурными деятелями.

Итак, Абэ была направлена для работы в посольстве Японии в Москве и провела в Москве почти пять лет – с 10 декабря 1932 г. по 31 мая 1937 г. Резиденцией посла был тогда бывший особняк купца Морозова, а само посольство располагалось на территории дома, некогда принадлежавшего фельдмаршалу Суворову. Абэ Ёсиэ была помещена в жилом отсеке, ближе к выходу из консульства. Она была очень загружена работой – машинописью и стенографией, эта женская профессия была сравнительно нова в те времена в Японии, и Абэ считалась в посольстве ответственным и дельным сотрудником². В то же время по поручению Ямамото она встречалась с представителями советской элиты и брала у них интервью, которые публиковались в Японии в ведущих литературных журналах – таких, как «Кайдзо» и «Бунгэй». Вместе с женой одного японского дипломата Абэ часто бывала на театральных премьерах, не пропускала новых оперных и балетных постановок. О ней говорили – «хотите встретиться с Абэ – идите в театр»³. И у тех знаменитостей советской элиты 1930-х гг., с кем ее сводила судьба, она просила автограф или некое посвящение – на узорной японской бумаге *сикиси*.

Там же, в России, Абэ впервые услышала арфу и была очарована ею. Продолжая свою работу в посольстве, она начала брать уроки арфы у Ксении Александровны Эрдели (1878–1971), ведущей арфистки Большого театра.

¹ Каяриби. (Дым от москитов) // Хоккайдо симбун. №11, 1951, 22 августа.

² Сакава Итоко. Абэ-сан-но омоидэ (Воспоминания об Абэ-сан) // «В память об ушедшей». Токио, 1969, с. 6.

³ Абэ Ёсиэ. Сяряпин то росиа опэра (Шляпин и русская опера) // Журнал «Реко:до онгакю». 1949, №7, с. 36.

Наступила середина 30-х, усиливались репрессии, советские граждане все более опасались входить в какие бы то ни было личные контакты с иностранцами. Абэ, у которой к этому времени был широкий круг знакомств среди писательской и театральной элиты, а также с ведущими российскими японоведами, все реже и реже могла встречаться со своими друзьями⁴. Ухудшались советско-японские отношения. В 1936 г. был сменен японский посол, персонал посольства был реорганизован. С другой стороны, К. Эрдели, под давлением обстоятельств, тоже была вынуждена отказаться от продолжения уроков. Однако Абэ непременно хотела продолжать обучение и попросила Эрдели рекомендовать ее Марселю Турне (1879–1951), французскому арфисту и композитору, работавшему в Парижской консерватории. Турне согласился принять Абэ как свою ученицу, и она, уволившись из московского посольства, уехала в Париж.

Отъезд ее произошел как раз вовремя: она была заподозрена как японская шпионка, и многие из тех, с кем общалась Абэ в Советском Союзе, вскоре были репрессированы, двое из них расстреляны – это муж К. А. Эрдели, скрипач, и выдающийся востоковед Н. А. Невский, об этом мы еще будем говорить далее⁵.

В Париже Абэ продолжала свои музыкальные занятия, зарабатывая на жизнь профессией машинистки в парижских отделениях фирм «Мицубиси» и «Мицубиси», со временем ее приняли в известный секстет арфисток под управлением Анриэтт Ренье и в 1944 г. даже была награждена Первым призом в Высшей Школе музыки, декламации и танца. В Париже она продолжала пополнять свою коллекцию *сикиси* – там ей удалось встретиться с З. Гиппиус и Д. Мережковским, а также композитором А. Гречаниновым и получить их автографы с посвящениями.

В том же году посольство Японии рекомендовало проживающим во Франции японцам уехать в Германию. Незадолго до входа в Париж союзных войск Абэ в числе других японцев спешно покидает Францию. В конце войны Берлин был занят советскими войсками, но СССР занял нейтральную позицию по отношению к Японии, и Абэ смогла вернуться в Японию по Транссибирской магистрали.

После возвращения на родину в жизни Абэ начинается новый этап. С 1947 до 1952 г. она играла с Симфоническим оркестром в Токио. Параллельно, хоть и не без трудностей, ей удалось создать школу игры на арфе при Токийском университете искусств. Она также работала музыкальным редактором на радио, писала музыкальные обзоры, зани-

малась концертной деятельностью, выпустила несколько пластинок с камерной музыкой. В Японии она стала признанной звездой, сыграв на арфе в завоевавшей тогда всенародную популярность романтической мелодраме «Бирманская арфа» (режиссер Итикава Кон).

До самой смерти она продолжала заниматься со своими ученицами – молодыми японскими арфистками. В конце жизни ей удалось встретиться и со своими детьми.

Собранные автографы и их авторы

Итак, во время пребывания в СССР Абэ Ёсизэ по поручению Ямамото Санэхико, главы издательства «Кайдзосё», встречалась с советскими деятелями культуры – писателями, поэтами, дирижерами, учеными-японоведами. Судя по сохранившимся *сикиси*, среди ее собеседников были писатели Михаил Шолохов, Борис Пильняк, Сергей Михалков, А. С. Новиков-Прибой, композитор И. Держинский, японоведы Н. А. Невский, Н. И. Конрад, А. Е. Глускина, Е. М. Колпакчи и др.⁶

Первой, по-видимому, была ее встреча с писателем А. С. Новиковым-Прибоем, отсюда можно вести отсчет журналистской деятельности Абэ. Неудивительно, что издателя Ямамото прежде всего интересовал именно Новиков-Прибой. Этот писатель во время Русско-японской войны (1904–1905) при разгроме 2-й Тихоокеанской эскадры близ острова Цусима попал в плен, где стал записывать не только личные впечатления, но и рассказы матросов с других кораблей; печатал заметки в журнале для военнопленных «Япония и Россия». 30 лет спустя он опубликовал роман в жанре строгой военно-исторической хроники «Цусима», материалы для которого писатель, по его словам, собирал именно все эти 30 лет. Этот роман после выхода был в России чем-то вроде, говоря современным языком, настоящего бестселлера. А японцам, вероятно, импонировали картины дезорганизации царского флота, алчности и бездарности командиров, а также объективное и благожелательное изображение японцев. Видимо, в тот день, 21 января 1934 г., когда Абэ Ёсизэ посетила дом писателя, он пригласил к себе и других гостей, в том числе и участников боя при Цусиме. На одном листке «сикиси» помещены следующие записи:

<Москва, 1934 год, 21 января, теплый вечер, уют, гостеприимные хозяева, милые гости, хозяин, автор «Цусимы», романа, который написан в другое время, по сути дела в другой стране, о которой никогда таких романов больше не напишут.

В. Кирпотин

Я люблю Японию и желаю ей счастья и побед. Да здравствует Япония!

Зефиров>

⁶ Абэ Ёсизэ. Цусима но тессё то катару (Разговор с создателем «Цусимы»). Бунгэй. 1934, №5, с. 18.

⁴ Абэ Ёсизэ. Мосукува цусин (Сообщения из Москвы) // Бунгэй. 1936, №10, с. 102.

⁵ О Н. А. Невском см. также: Хияма Синъити. Нэфусуки: то «нихон ё:хо кикан-но супай» Абэ (Невский и «шпионка японской разведки» Абэ) // Хэйбонсё, Никкан хякка. 1995, №8, с. 15–20. О том, что муж Эрдели был арестован по обвинению в знакомстве со «шпионкой Абэ», говорила профессор РАМ им. Гнесиных М. М. Агизарян одному из соавторов статьи, Танака Кёко, со слов самой К. А. Эрдели.

Автограф самого Новикова-Прибоя Абэ получила во время другого посещения:

Абэ-сан напоминает мне ту милую девушку из Кумамота – Иосие, на которой я чуть не женился. Это было тридцать лет тому назад.
А. Новиков-Прибой. 30/VIII 35

Судя по этой записи, условия содержания пленных офицеров российской армии во время русско-японской войны были не самые суровые, и воспоминания о Японии остались вполне благоприятные. О том же говорит и запись Зефирова, а этот человек во время Русско-японской войны был старшим сигнальщиком на одном судне с Новиковым-Прибоем, ему и эпизодам с его участием в романе «Цусима» отведено большое место, он был и одним из тех, кто своими воспоминаниями помогал писателю в работе над романом.

Совершенно иная индивидуальность – В. Я. Кирпотин. Этот человек в 1918 г. вступил в ВКП (б), одно время был секретарем Максима Горького. Некоторые данные свидетельствуют даже, что это ему изначально принадлежала идея создания Союза писателей. В 1932–1936 гг., т. е. как раз на момент встречи с Абэ, он был заведующим сектором художественной литературы ЦК ВКП(б) и одновременно секретарем оргкомитета Союза писателей СССР. Далее, по заданию И. В. Сталина в 1936 г. Кирпотин написал книгу «Наследие Пушкина и коммунизм», а в 1943 г. наряду с другими писателями критиковал Зощенко за повесть «Перед восходом солнца». Правда, впоследствии, в период так называемой борьбы с космополитизмом, Кирпотин (сам бывший по национальности «космополитом») тоже терпел гонения и только в период хрущевской оттепели вернулся к научно-преподавательской деятельности. О его живом революционном энтузиазме свидетельствует и сделанная им запись на *сикиси* – что с тех пор Россия, став Советским Союзом, изменилась, и теперь уже никто не будет писать о России с таким гневом и возмущением, как написал Новиков-Прибой в своей «Цусиме».

Среди *сикиси*, полученных Абэ, есть три автографа М. Шолохова. Свидетельства их отношений и переписка хранятся в Музее-заповеднике Шолохова в Ростовской области. Абэ считается там пропагандистом Шолохова в Японии. Как уже говорилось выше, когда по просьбе того же Ямамото она познакомилась с Шолоховым в Москве, он пригласил ее приехать в Вёшенскую. В Вёшенской она побывала в 1935 г. вместе с самым близким другом писателя, московским писателем В. М. Кудашевым (1901–1942), их снимок втроем хранится в Музее-заповеднике. Свои впечатления Абэ изложила в очерке «Встреча с Шолоховым на Дону», который был напечатан в журнале «Кайдзо» (№2 за 1936 г. Токио). Во второй половине 30-х их отношения прервались,

а после войны они снова начали переписываться⁷. В 1965 г. Абэ поздравила писателя телеграммой: «Сердечные поздравления по случаю присуждения Вам Нобелевской премии за литературу. Желаю доброго здоровья. Вишни Токио будут в полном цвету числа десятого апреля. Прошу не забыть. Абэ». И в 1966 г. семья Шолоховых поехала в Японию по приглашению Ассоциации японских литераторов. Абэ сопровождала их во время поездки писателя и его семьи в Токио и другие города Японии, присутствовала на встречах Шолохова с японскими литераторами и на премьере спектакля «Поднятая целина» в театре «Мингэй»⁸. Тогда же она написала о приезде Шолохова в журнале «Сю:кан синтё:»⁹.

Всего шолоховских автографов на *сикиси* три:

1. *<Как степной житель, я буду рад, если И. Абэ изредка будет вспоминать нашу поездку на охоту, целинную степь и чудесных белых стрепетов на фоне голубого сентябрьского неба*
М. Шолохов 23.IX–35 г. Вёшенская>

2. Этот автограф, видимо, написан дважды – помимо *сикиси*, еще и на фотографии Шолохова, которым открывается японское издание «Поднятой целины»¹⁰:

<Абэ-сан.

Так начинается «Поднятая целина»: «В конце января, овеванные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады...». Вероятно так же, как и в Вашей, милой нашему сердцу Японии.

М. Шолохов. 2/VI–36 г.>¹¹

3. *<Абэ-сан «...Впереди, повитая нежнейшим голубым куревом, величественно безмолвовала степь. В зените, за прядью опаловых облачков, томилось солнце. От жаркой травы стлался тягучий густой аромат. Справа, за туманной очерченной впадиной*

⁷ Письма Шолохова, адресованные Абэ, а также *сикиси* с его автографами, см.: М. А. Шолохов. Письма / РАН: Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Гос. музей-заповедник М. А. Шолохова // М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 317–318.

⁸ Н. Т. Кузнецова. О Шолохове. Иосие Абэ. http://www.sholokhov.ru/htdocs/localized/rus/sholokh_krug_iosie.html

Фотография 1935 г., на которой сняты Шолохов с женой, Абэ Ёсиэ и В. М. Кудашев, помещена также в: Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (материалы к биографии). Сост. Н. Т. Кузнецова. – М. Галерея, 2005, с. 138–144.

Абэ Ёсиэ. «Гэндэй-но као. Сёрохов икка райнити. (Современные лица. Приезд семьи Шолоховых в Японию); Нобэру сё: сакка-но нихон кэнгаку. Сюкан никки. Миахиру Сёрохофу. (Писатель- Нобелевский лауреат ездит по Японии. Ежедневный дневник. Михаил Шолохов). Сюкан синтё:, 28 мая и 4 июня 1966 г. 96 стр.

¹⁰ В Японии первый перевод «Поднятой целины» вышел в 1931 г. в японском издательстве «Наука» в пер. Уэда Сусуму, следующий – в 1935 г., в пер. Ёнкава Масао в изд. Микаса сёбо, впоследствии Кадокава сётэн.

¹¹ Шолохов. Фотоальбом. М., Планета, 1985. С. 123.

лога, жемчужно-улыбчиво белела полоска Жирова пруда. А кругом – насколько хватал глаз – зеленый необъятный простор, дрожащие струи марева, полуденным зноем скованная древняя степь и на горизонте – недосыаем и сказочен – сизый грядистый курган...». Из «Тихого Дона».

*Это почти та самая степь, которую Вы, Абэ-сан, видели.
М. Шолохов 2/VI–36 г.¹²*

По-видимому, знакомство с композитором Иваном Держинским (1909–1978) стало для Абэ своего рода продолжением знакомства с Шолоховым. Автограф И. Держинского гласит:

*<Абэ-сан от Ивана Держинского в память о премьере оперы
«Тихий Дон» в Большом театре С.С.С.Р. в Москве
Ив. Держинский
Москва 21/XI–36 г.>*

Премьера оперы «Тихий Дон» состоялась в Большом театре через год после того, как была впервые поставлена в Театре оперы и балета имени М.П. Мусоргского в Ленинграде (Малый оперный театр, ныне – Михайловский театр). На *сикиси* Держинский изображает также нотный стан с музыкальной цитатой из своей оперы.

Продолжая музыкальную тему, упомянем еще о двух примечательных автографах. Это, во-первых, текст, написанный С. А. Бугославским (1888–1945), выдающимся славистом и в то же время композитором, музыкальным критиком и историком музыки, автором кантаты «Песнь о Буревестнике» (по М. Горькому), симфонии с хором «Пушкин», а также исследований по народным песням донских и кубанских казаков – может быть, именно эти последние исследования, опубликованные С. Бугославским в 1936 г., и были поводом для встречи с Абэ. Он написал на *сикиси* так:

*«Искренно тронут посещением и дружеской беседой по вопросам музыки обаятельного энтузиаста музыки М-лле Абэ-сан.
С уважением. Сергей Бугославский.
Москва 1937 г. 19 января»*

Еще один любопытный автограф принадлежит Л. М. Цейтлину, скрипачу, одному из основоположников советской скрипичной школы и педагогу, создавшему в 1922 г. небывалый проект – оркестра без подавляющей власти одного над всеми, т. е. оркестра без дирижера, знаменитого Персимфанса¹³. По мнению Цейтлина, собравшего вокруг

себя лучших музыкантов того времени, идея «коллективного труда» должна была победить и в музыке. Оркестр имел огромный успех, стал примером для создания многих подобных музыкальных коллективов в России и за ее пределами, в Германии и США и просуществовал до 1932 г.

Л. М. Цейтлин же написал следующее:

«Выражаю Иоси Абэ сан горячую благодарность за теплые отношения к идее Персимфанса, который никогда его не забудет. Проф. М.Г.К. (Московской Государственной консерватории. – Л.Е.) Засл. деят. иск. (Заслуженный деятель искусств. – Л. Е.). Руководитель Персимфанса Л. Цейтлин. 25.X.1935».

Завершая тему встреч Абэ Ёсиэ в мире музыки, приведем текст, написанный для Абэ ее учителем – замечательной арфисткой Кларой Эрдели (1878–1971), создавшей школу игры на арфе в Советской России:

<Милой моей ученице на память о наших занятиях. «Люби искусство, люби все прекрасное, и эта любовь даст тебе счастье» (Голенищев-Кутузов¹⁴). Милая Абэ-Сан, от души желаю Вам удачи и успехов в Вашей дальнейшей работе и блестящей артистической карьеры в недалеком будущем. Заслуженная артистка Республики К. Эрдели. 1 марта 1937 Москва>.

Абэ, видимо, и в самом деле посещала все важнейшие для того времени культурные мероприятия в Москве. Об этом свидетельствует, например, запись на «сикиси» следующего содержания:

«Абэ сан. Накануне 100-летнего юбилея. Г. Пушкин. А. Пушкина. М. Пушкина-Быкова. Москва. 9 января 1937 г.»

Видимо, Абэ Ёсиэ встретила с внуками Пушкина, детьми его сына Александра Александровича, это, скорее всего, были уже немолодые Григорий Александрович Пушкин (1868–1940), Анна Александровна Пушкина (1866–1949) и Мария Александровна Пушкина-Быкова (1862–1939). В январе 1937 г. происходило так называемое «празднование юбилея Пушкина», хотя на самом деле отмечалась траурная годовщина – столетие гибели поэта. Видимо, встреча Абэ с потомками Пушкина состоялась на одном из бесчисленных праздников, собраний, митингов, посвященных Пушкину в 1936–1937 гг., когда власть активно присваивала себе имя и славу поэта.

романтизированным демиургом, а является просто тем, кто упрощает исполнение. Не более того. Уже Стравинский декларировал ненужность интерпретации». (Петр Айду: «Персимфанс» – шанс для музыкантов открыть профессию заново. Газета «Время новостей», N119, 08 июля 2009).

¹⁴ А. А. Голенищев-Кутузов (1848 – 1913) – поэт, приверженец так называемого «чистого искусства», был близок также к музыкальным кругам, дружил с Достоевским, Фетом, критиком Стасовым, композитором Мусоргским, написавшим сборник романсов на стихи Голенищева-Кутузова.

¹² Фотография этого автографа Шолохова уже публиковалась в книге: К. И. Прийма «Тихий Дон сражается», изданной в Москве, изд. Советская Россия, 1975, с.373.

¹³ Интересно, что в 2009 г., в нынешней России, по инициативе композитора и преподавателя Московской консерватории Петра Айду образован ансамбль «Персимфанс», и сам Айду в своем интервью объясняет эту идею следующим образом: «Дирижер не является больше

Осенью 1936 г. театралка Абэ повстречалась с Ольгой Книппер-Чеховой (1868–1959). Для Абэ О. Л. Книппер-Чехова написала не вполне точную цитату из «Вишневого сада», где она играла Раневскую:

*<«О мой милый, прекрасный мой, нежный мой сад, прощай!
Счастье мое, молодость моя, прощай!» (Раневская, Вишневый сад). На добрую память Абэ-сан. Ольга Книппер-Чехова. 1936 г.
15 окт. Москва>.*

Еще одна встреча Абэ, о которой стоит написать – знакомство с Сергеем Михалковым (1913–2009) (На время знакомства с Абэ он еще не стал автором Государственного гимна СССР – это произошло лишь в 1944 г.).

Он оставил две записи – первая представляет цитату из его детского стихика про дядю Степу и датирована 31 октября 1936 г. Интереснее вторая – она без даты, но примечательна тем, что, видимо, это стихотворение-экспромт, созданное специально для Абэ:

*«Любезной Абе-сан на добрую память
В горах тюльпаны двух цветов.
Есть красный цвет, есть желтый цвет,
Но ясно, что из двух цветов
Преобладает первый цвет.
И если, друг, из двух цветов
Один ты хочешь выбрать цвет,
То выбирай из двух цветов
Знамен свой отчизны цвет».*

Похоже, здесь дан вполне прозрачный политический намек – каждому свое, и я выбираю красное зная своей революционной родины, а вы держитесь своего, а совмещать оба не удастся. (Правда, здесь С. Михалков не вполне точен, японский флаг – белый с красным кругом посередине, поэт, же, видимо, имел в виду герб императорского рода – желтую, т. е. золотую, 16-лепестковую хризантему.)

Оказавшись в Париже, Абэ продолжала собирать *сикиси*, и здесь она встретила с самыми яркими звездами русской литературы, оказавшимися в эмиграции. Прежде всего, назовем сохранившийся в коллекции автограф И.А. Бунина (1870–1953), первого русского писателя, получившего Нобелевскую премию. Это произошло в 1933 г., а в 1938 он оставляет Абэ краткую запись:

«На память Абе-сан. Ив. Бунин. 13.VI.1938. Париж».

Упомянем еще и то, что запись выполнена писателем в старой орфографии, в Советской России отмененной еще в 1918 г.

Там, в Париже, у Абэ завязываются отношения и с четой Д. Мережковский–З. Гиппиус. Мережковский написал для Абэ несколько приветливых слов:

*«Salut et souhait de bonheur à ma petite amie Japonnaise!
D. Meréjkovsky 1938 Paris».*

Автографов Зинаиды Гиппиус сохранилось два. Один датирован 18 января 1938 г. и представляет собой стихотворение Гиппиус «Нет», написанное в 1918 г.:

*«Она не погибнет, – знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, – верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем, – верьте!
Но что нам наше спасенье:
Россия спасется, – знайте!
И близко ее воскресенье».*

К этому стихотворению сделана пометка Абэ по-японски: «Мадам Гиппиус, поэтесса, супруга известного мэтра Мережковского».

Следующая запись Гиппиус – также ее стихотворение, но эту *сикиси* от предыдущей уже отделяют пять лет и смерть в 1941 г. Мережковского, с которым, как писала Гиппиус, они прожили вместе 52 года, не разлучаясь ни на день:

*«Для У. Е. Абэ
Откуда плывут эти странные звуки?
В них горечь свиданья, в них тайна разлуки,
На здешнюю муку негдешний ответ.
Из дальних покоев волна их струится,
На арфе любимой играет царица,
Жена Александра – Елизабет.
На струнах лежат ее нежные руки,
И падают, падают легкие звуки.
Их ангел как будто на крыльях принес.
Но падают тихими каплями слез.*

7-2-43 Париж З. Гиппиус Z. Hippius»

Это полный текст стихотворения З. Гиппиус «Арфа», и оно было выбрано для *сикиси* явно потому, что Абэ стала арфисткой, т. е. по крайней мере Гиппиус было известно об этой стороне жизни и деятельности их японской знакомой.

В Париже, помимо французских музыкантов, Абэ, по-видимому, продолжает искать знакомства с русскими деятелями музыки в эмиграции. Так, в ее коллекции сохранился автограф известного композитора Гречанинова (1864–1956), человека с православными и глубоко национальными взглядами и вкусами, который покинул революционную Россию в 60 лет, в эмиграции жил в Париже, а с началом Второй мировой войны уехал в Америку. Он написал для Абэ нотную строку

из самого известного своего произведения – «Колыбельной» на слова М. Ю. Лермонтова:

*«Колыбельная Lento <Далее следует нотная запись>
Сти, малют-ка мой прекрасный, баюшки, баю...»*

*А. Гречанинов
Париж, 1939*

На память милой Абэ. А. Г.»

Вышеприведенные автографы практически все принадлежат виднейшим деятелям русской и советской культуры и искусства. Кроме представителей советской художественной элиты Абэ, будучи в Москве, нередко встречалась с видными советскими японоведами, и все они оставили ей свои записи. Для некоторых из них встреча с ней оказалась, можно сказать, роковой. Ниже приводятся краткие данные об этих людях и последовавших за знакомством драматических событиях.

и советские японоведы

Хронологически первое имя – Евгения Дмитриевна Плетнер (1898–1944), специалист по японскому аграрному движению. Ее мужем был японовед Олег Плетнер (1893–1929). Согласно секретному докладу японского Бюро полиции и общественной безопасности Департамента внутренних дел, до приезда в Японию в марте 1918 г. Е. Д. Плетнер была секретарем Л. Троцкого¹⁵. В Японию она приехала вместе с мужем, который был членом российского комитета по закупке военной техники. Они прожили в Японии четыре года и три месяца, а затем, 21 июня 1922 г., были депортированы из Японии по приказу министра внутренних дел того времени за распространение коммунистической пропаганды. Из-за своего знакомства с этим семейством в списки иностранцев, подлежащих в Японии полицейскому надзору, был включен и выдающийся российский японовед Н. А. Невский.

Когда Абэ прибыла в Москву, прошло три года со дня ранней смерти Олега Плетнера. Она подружилась с Евгенией Плетнер, его вдовой, и бывала у нее дома. «Иногда я заходила в кабинет покойного профессора Плетнера и видела там книжные полки, до самого потолка забитые книгами на японском языке. Если мне хотелось почитать что-нибудь иероглифическое, я шла к нему в кабинет», – написала потом об этом Абэ.

Хотя Олег Плетнер был изгнан из Японии, Евгения сохранила об этой стране самые прекрасные воспоминания, о чем и написала на *сикиси*:

< Встречаясь с Вами, дорогая Абэ-сан, я вспоминаю Японию, прекраснейшую страну в мире! Е.Плетнер. 28.8. 35 Москва >

Николай Иосифович Конрад (1891–1970), выдающийся российский и советский японист и китаевед, в 1938 г. был на 5 лет отправлен в лагерь в Красноярский край, в Сибирь. В 1941 г. был срочно возвращен в Ленинград, видимо, в связи с тем, что стране понадобились японисты для переводов японской военной литературы.

Н. И. Конрад написал для Абэ по-японски пятистишие из знаменитого романа Мурасаки-сикибу «Гэндзи-моногогари», глава «Сума». Вероятно, выбор этой танка не случаен: Конрад, скорее всего, знал от Абэ, что до приезда в Россию она участвовала в создании Научного общества по изучению наследия Мурасаки-сикибу. Избранное Конрадом пятистишие говорит о встрече после разлуки:

*< Г-же Абэ на добрую память.
Неизменный свой путь
Свершая, луна непременно
Вернется к этому жилищу.
А пока на темное небо
Постарайся не смотреть... >*

(Японская транскрипция текста: Юкимэгури / Цуи-ни сумубэки / Цукикагэ-но / Сибаси куморан / [Сора] на-нагамэсо). – Л. Е.).

Н. И. Конрад. Ленинград. 30.XII.1935.>

Эта танка в романе сложена принцем Гэндзи для утешения одной из героинь, и можно было бы предположить, что и иносказание Конрада тоже носит ободряющий характер, однако, скорее всего, имелось в виду продолжение текста оригинала, известного обоим, где говорится: «Впрочем, можно ли на что-то надеяться в этом мире? Единственное, что постоянно, – это горькие слезы о неведомом будущем, одна мысль о котором погружает во мрак мое сердце».

Наталья Исаевна Фельдман (1903–1975) – ученица и жена Н. И. Конрада, соавтор некоторых его трудов. Написанное ею на *сикиси* – словно предвидение того, как повернется судьба Абэ в России:

*<Прощальных слез не осуша
И плакав вечер целый,
Уходит с Запада душа, –
Ей нечего там делать.
Пастернак*

*Абэ-сан от Н.Фельдман
Ленинград 29/XII 1935 >*

Здесь примечательно, что эти два автографа отстоят между собой всего на один день, это свидетельствует о частоте контактов Абэ с супругами Конрад-Фельдман. И в обоих случаях эти две цитаты говорят о довольно пессимистическом умонастроении писавших. Фельдман словно обращается к Абэ, которой предстоит возвращение в Японию и

¹⁵ В архивах японского Министерства иностранных дел начала 1920-х гг. имеется дело об экстрадиции граждан России, № 4262-1.

которой не имеет смысла оставаться в СССР, «западе» по отношению к Японии. Хотя, возможно, такая интерпретация – это восприятие современного читателя, уже знающего о том, что в 1938 г. Конрад будет арестован «за вредительство».

Евгения Максимовна Колпачки (1905–1952) – ученица Н. И. Конрада, лингвист, филолог, в 1928 г. стажировалась в университете Васэда в Токио. Она написала для Абэ фрагмент из стихотворения О. Мандельштама «Гристя», вероятно, уподобляя странствования Одиссея и путешествия Абэ:

*< Золотое руно, где же ты, золотое руно –
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный >*

Анна Евгеньевна Глускина (1904–1994), автор полного поэтического перевода «Маньё:сю:». В 1928 г. она стажировалась в Японии у самого авторитетного исследователя «Маньё:сю:» Сасаки Нобуцуна, тогда же, будучи в Японии, она написала по-японски семь танка. Для Абэ она тоже сложила японское пятистишие, приведем его в транскрипции:

*Коороги-но / Наку коэ кикэба / Табибито-но / Вакаруу содэ-но /
Аки-но канасиса.*

Вот оно в русском переводе:

Когда услышит
Путник
Голос полевого сверчка,
Рукав, которым он на прощанье машет,
Увлажнится печалью осени.

Примечательно сходство тематики этих четырех разноязыких стихотворных фрагментов, выбранных выдающимися российскими востоковедами. Такое ощущение, что все четверо предвидела преждевременный и неизбежный отъезд Абэ из СССР (хотя реально это произошло через два года), или же вспоминали свой собственный отъезд из Японии, страны изучаемого языка и культуры, куда они уже не надеялись поехать.

Выдающийся востоковед Николай Александрович Невский (1892–1937), японовед, этнограф, занимавшийся также рюкюским, айным, тангутским языками, фольклором и верованиями этих народов. Он написал для Абэ два афоризма на тангутском языке с переводом на японский. Это, по-видимому, 69-й афоризм из тангутских ксилографов XII в., найденных П. Козловым в Хара-Хото¹⁶.

¹⁶ Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. (Серия «Памятники письменности Востока», XL) / Издание текста, пер. с тангутского, вступительная статья и комментарий Е. И. Кычанова. М.: Наука (ГРВЛ), 1974, с. 96.

Не зная контекста тогдашнего разговора, трудно предполагать, что руководило Невским при выборе именно этих изречений. Приводим перевод с японского варианта:

<Если не уверен в себе, когда стреляешь из лука, – не выпускай стрелу.

Человек, который не способен вести беседу, пусть не раскрывает уст.

Многоуважаемой Абэ Ёсиэ на добрую память.

Н. Невский. 13. II. 1937. Ленинград СССР>

Все эти выдающиеся ученые, за исключением Н. И. Фельдман, оказались арестованы, высланы, репрессированы, а Н. А. Невский расстрелян вместе со своей женой-японкой.

В 1936 г. редакция журнала «Кайдзо» попросила Абэ подготовить соответствующую публикацию советского писателя в связи со смертью Максима Горького. О трудностях со сбором материалов в тогдашнем Советском Союзе Абэ писала так: «Общение с сотрудником посольства стало крайне опасным делом. Прийти в дом русского или где-то встретиться с ним было невероятно затруднено»¹⁷. Далее она сообщает: «Шолохов после второго своего посещения Москвы совсем перестал не дает ничего знать о себе. Новиков-Прибой делает вид, что его никогда нет дома. Даже Пильняк отказывается, отговариваясь тем, что сейчас атмосфера в советско-японских отношениях сложилась напряженная. Встречи с людьми стали так редки, что я чувствую себя совсем неуютно». Много позже она вспоминала: «Хуже всего отношения между Японией и Советским Союзом были в 1937 г., это было время, когда русские, встречавшиеся с японцами или немцами, по ночам незаметно исчезали, все жили в постоянном страхе. Соответствующее ведомство оказывало давление и на Эрдели-сэнсэй».

Н. А. Невский и его жена были арестованы 24 ноября 1937 г. как японские шпионы. В обвинительном заключении жены Невского, Исоко Мانتани, говорилось, что она действовала по указаниям японцев Мори, Фан Иван и Абэ Ёсиэ и с 1930 г. втянула Невского в свою шпионскую деятельность (между тем? Исоко приехала в Россию только в 1933 г.). Невский же был обвинен в том, что он проник в советские образовательные структуры, искал там людей, способных вести антиреволюционную пропаганду, кроме того, был информатором японских разведывательных органов в разных областях, в том числе сообщал сведения о Красной Армии, об авиации и ее подразделениях, о расположении военных предприятий и т. п. Сведения он якобы передавал в Японию через сотрудницу посольства Абэ Ёсиэ.

Показания Невского о встречах с Абэ в протоколах допросов имеют такой вид: «В 1923 г.¹⁸ я по особому заданию прибыл в Москву. Отпра-

¹⁷ Абэ Ёсиэ. Мосукува цусин (Сообщения из Москвы) // Бунгэй. 1936, №10, с. 102.

¹⁸ Невский здесь оговаривает себя, он вернулся в Советский Союз только в 1929 г.

вился к Плетнерам, вдова позвонила Абэ и вызвала ее придти, так мы смогли с ней встретиться». Дочь Н. А. Невского, Елена, которая много лет спустя познакомилась с делом отца в архиве КГБ, писала о его невиновности, доказывая, что Абэ на самом деле была простой сотрудницей посольства и не имела никакого отношения к разведке. Она же на основании материалов дела засвидетельствовала, что эти показания были даны под пытками, которые применили к Н. А. Невскому сотрудники органов Гаркавенко и Слепнев¹⁹.

Сама же Абэ о встречах с Невским сохранила другие воспоминания. При первой же встрече он ей сказал: «А ведь у вас говор Тохоку, правда?», чем сразу поразил ее тонким лингвистическим слухом и знанием японских диалектов²⁰. Она подружилась с ним, привлеченная его бесконечной научной любознательностью, широким кругом научных знаний и интересов. Она и сама много путешествовала по России, встречалась с множеством людей. Может быть, этим она дала повод для соответствующих органов подозревать ее в шпионаже, во всяком случае, ей самой и во сне не могло присниться, что она может навлечь такое несчастье на Невского и его жену.

Итак, мы представили здесь основные из собранных Абэ Ёсиэ *сикисси*, сохранившихся, можно сказать, чудом. Вероятно, они характеризуют прежде всего самих авторов «цветных бумаг», но из них можно составить себе представление и об обаянии личности Абэ, и о ее горячем интересе к искусству и культуре страны, в которую ее привела судьба. В то же время характерен круг этих значительных, каждый по-своему людей, подаривших ей свои автографы, и каждый из них по-своему представительен для этого специфического временного среза – вторая половина 30-х гг., последние мирные годы перед войной. Это драматическое сочетание еще уцелевших следов дворянской культуры, еще действенного революционного энтузиазма и уже явственно слышимых угроз – как со стороны сталинской государственной машины, так и из приближающихся сороковых.

¹⁹ Елена Невская. О родителях // «Восток». 1992, №5, с. 94–96.

²⁰ Абэ Ёсиэ. «Советские востоковеды-филологи», с. 107.

Ритуал как основа коммуникации в Японии

Ю. Б. Стоногина

Статья носит междисциплинарный – японоведение и теория коммуникации – характер, и рассматривает различия между японской (ритуальной) и европейской (трансмиссионной) системой коммуникации. Автор оценивает степень наличия и влияния традиционной культуры общения в постиндустриальной Японии.

Ключевые слова: коммуникация как культура, ритуал и трансмиссия как модели коммуникации, коммуникативная компетентность.

Всякий европеец, которому приходилось долгое время общаться с японцами – в деловых ли, культурных проектах или частным образом – считает своим долгом посетовать на коммуникационные трудности разного сорта. Первый контакт (особенно, если он инициирован европейцем), как правило, затруднен, требует большой подготовки, а кончается ничем. Отношения развиваются слишком медленно, периодически прерываются, а возобновляясь, не предполагают конкретных задач или действий. Ожидания японских партнеров малопонятны, так как они редко излагают их напрямую. Даже проекты в культурной сфере страдают от подобных трудностей, а уж совместный бизнес с японцами становится подлинным испытанием для европейского партнера. Требуются – без преувеличения – годы, чтобы бессодержательное, по мнению западных партнеров, общение переросло в какой-либо практический проект.

Даже если инициатива сотрудничества исходит от японской стороны, нельзя гарантировать, что развитие событий будет более благоприятным – по-прежнему, такие отношения требуют огромного количества времени, не принося явных результатов.

Если в прежние годы ответственность за все подобные трудности можно было возложить на языковой барьер, то сегодня говорящих на японском европейцев (а также индийцев, африканцев и т. п.) можно встретить довольно часто, а уж англоязычных японцев тем более. Однако – в полном соответствии с утверждением Э. Холла, что 80% информации передается невербальными методами – такая языковая компетентность все же не устраняет всех коммуникационных проблем, а часто и создает новые. Так, в качестве свежего примера, могу привести сетования американского предпринимателя, начавшего работу в Японии:

«Я немного говорил на японском, но я не использовал их коммуникационный стиль. Японская культура – это *хоннэ* и *татэмаэ*¹. Например,

¹ *Хоннэ* – истинные мысли или намерения; *татэмаэ* – социально приемлемое выражение мыслей или намерений.